

Страницы истории рабочего движения Красная полевая почта

I

Фридрих Энгельс в своём «Прощальном письме читателям газеты «Sozialdemokrat» от сентября 1890 г. описывал борьбу в период Исключительного закона против социалистов (1878–1890 гг.) как *«двенадцать самых решающих лет в жизни германской рабочей партии»*¹.

Бисмарк и социал-демократия

Отто фон Бисмарк размышлял над этими мерами ещё со времён Франко-прусской войны, когда немецкое рабочее движение отстаивало откровенно интернационалистскую позицию, а Август Бебель в речи в рейхстаге выразил классовую солидарность с Парижской коммуной. Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. социал-демократы повсюду устраивали народные митинги для осуждения внешней политики Бисмарка. Историк Эрнст Энгельберг в книге *“Revolutionäre Politik und Rote Feldpost, 1878–1890”* замечает, что до этих событий *«общественное мнение и большинство буржуазных политиков считали внешнюю политику монополией и тайным искусством Бисмарка, непогрешимость которого была вне всяких сомнений. Теперь эти вопросы, казавшиеся слишком сложными для народа (вопросы, от которых зависела его жизнь и смерть!), обсуждались и выносились на решение на народных собраниях»*.

Таким образом, после Франко-прусской войны немецкий пролетариат стремился к тому, чтобы *«самому овладеть тайнами международной политики»*², как призывал Маркс в “Учредительном манифесте Международного Товарищества рабочих” (1864 г.). Кроме того, как замечает Энгельс в “Роли насилия в истории”, с объединением социал-демократии на съезде в Готе и благодаря разъяснительной работе “Капитала” и “Анти-Дюринга” происходил следующий процесс: *«Правозверное лассальянство [...] постепенно сходило на нет и всё больше и больше обнаруживало свою неспособность создать ядро бонапартистско-государственно-социалистической рабочей партии»*³. Энгельберг пишет: привлекательность Бисмарка для немецкого рабочего класса, подогреваемая лассальянским течением, ослабевала, хотя, как мы увидим, и не исчезала полностью, и *«по сравнению с временами Лассалья и вообще шестидесятыми годами рабочий класс приобрёл более реальную силу и получил реальную автономию»*. Теперь социал-демократия стала силой, с которой нужно было считаться, и Бисмарк прибег к репрессиям.

Заговор Моста

Ленин так резюмирует в “Что делать?” конфликт немецких течений 1878–1880 гг.: *«Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, – один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой – у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедовать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план – у тех, кто подготавливал и осуществлял издание нелегального органа»*⁴.

Маркс в письме Фридриху Адольфу Зорге от 19 сентября 1879 г. поясняет: *«Мы ставим в вину Мосту не то, что его “Freiheit” слишком революционна. Мы обвиняем “Freiheit” в том, что в ней нет никакого революционного содержания, а только одни революционные фразы [...]; и, во-вторых»*, в том, что Мост пытается *«пустить в оборот нелепые тайные заговорщицкие планы»*⁵.

Энгельс писал Иоганну Филиппу Беккеру 1 июля 1879 г., что трудное положение в Германии *«привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склоками и интригами дезорганизовать партию»*⁶. Франц Меринг сообщает, что политическая недалёковидность Моста и его соратника Вильгельма Гассельмана вела к тому, что во *Freiheit* проникли шпионы из немецкой полиции. Естественно, стоит отметить, что анархизм в целом нельзя отождествлять с тайными объединениями и тактикой Моста и Гассельмана. В случае Германии речь шла о мелкобуржуазном варианте анархизма, а не о его рабочем выражении.

“Учить, организовывать, пропагандировать!”

Перед лицом эффективного классового движения, особенно городского, анархизм не имел в Германии того оупляющего значения, какое он приобрёл на какое-то время в царской России, и не мог похвастать значительными последователями. Однако, как отмечает Энгельберг, *«некоторые особенно фанатичные лассальянцы, концепция государства которых представляла собой полную противоположность тому, что проповедовали анархисты, вступили в 1970-х годах в союз по расчёту с анархистскими группами за пределами Германии исключительно из ненависти к марксистам»*. Из этих «беспринципных обид» вышел анархизм лассальянца Гассельмана, представляющий собой особую смесь старого лассальянского сектанства и отголосков мелкобуржуазного индивидуалистического анархизма.

Когда анархизм становился выражением реального движения рабочего класса, отвергнув тупик заговора и индивидуального террора, он проявлял революционную широту и мужество, как в случае с чикагскими анархистами, повешенными после первой большой демонстрации за 8-часовой рабочий день 1 мая 1886 г. Лидерами чикагских анархистов были в основном американцы немецкого происхождения, такие как Луис Лингг, Георг Энгель, Август Шпис и Адольф Фишер. Бебель оценивал их борьбу с революционной точки зрения и дал указание опубликовать последние слова Шписа в *Sozialdemokrat*: *«Это прекрасное средство агитации [...] ещё и потому, что эти люди заслуживают публичного признания мужества, с которым они встретили свой приговор»*. Именно в те дни руководство осиротевшей газетой чикагских анархистов принял марксист Иосиф Дицген.

На съезде в Санкт-Галлене в октябре 1887 г. социал-демократия обсуждала отношения с течением Моста, эмигрировавшего в США в 1882 г. со своими динамитными проектами – об этом пишет Зорге в книге *“Il movimento operaio negli Stati Uniti d’America, 1783–1892”*, переизданной в 2002 г. издательством *Pantarei*. В заключительной речи Вильгельм Либкнехт подчеркнул, что анархизм Моста *«политически и экономически бессилён, его нельзя примирить ни с революционным действием, ни с современным крупным производством»*. На различие между тайной заговорщической организацией и классовой партией очень эффективно указывает Меринг: *«Политическая организация немецкого рабочего класса была разрушена, но его экономическая организация не могла быть уничтожена, пока существует современная цивилизация, пока существует механизм капиталистического процесса производства, который объединяет, образовывает и организует рабочий класс. Он открыл им тысячи путей быстрого согласования своих действий, без надобности прибегать к опасному и обоюдоострому средству, иерархически построенной тайной организации»*⁷.

В этом смысле реальным ключом к успеху социал-демократии против бисмарковских репрессий являлось сочетание легальной и нелегальной работы. В противовес методам Моста Либкнехт запустил лозунг: *«Учить, организовывать, пропагандировать!»*.

Парламентаризм и “коллективный организатор”

С такой же решимостью разворачивалась битва и на противоположной стороне – в лагере правого оппортунизма. Она нашла выражение, в частности, во фракции в рейхстаге, где присутствовали прежде всего сторонники теории Лассалья в форме легализма и государственного социализма.

В эти годы марксизм оказался лучшим оружием против политики Бисмарка и его идейного ответвления в рабочем движении – лассальянства. Победе социал-демократии над Бисмарком в 1890 г. до известной степени сопутствовала внутривнутрипартийная победа марксизма над лассальянством, выразившаяся в том числе в издании “Критики Готской программы” и принятии Эрфуртской программы (1891 г.).

Закон против социалистов фактически создал дуализм внутри социал-демократии. В августе 1882 г. Бебель открыто заявил, что *«в настоящее время в партии сосуществуют два различных течения»*. Оппортунисты настаивали на решении съезда в Видене, назначившего парламентскую фракцию руководящим органом партии. Но этот формалистский аргумент не учитывал реальных условий революционной борьбы и фактически служил предлогом, с помощью которого пытались захватить власть реформистские тенденции. Таким образом, противостояние касалось принципиальных вопросов.

Ещё 1 апреля 1880 года Энгельс писал Иоганну Филиппу Беккеру: *«Я не возражаю против того, чтобы те, кто избран в члены парламента, стояли во главе, потому что никакого другого руководства нет. Но того беспрекословного повиновения, которого могло требовать старое партийное руководство, избранное для этой цели, они не могут требовать, да и не сумеют добиться. В особенности при теперешних условиях – без прессы, без массовых собраний»*⁸.

Но центральный орган партии *Sozialdemokrat* должен был быть непреклонен в своей революционной линии как истинный *«коллективный организатор»*⁹, по выражению Ленина.

Парламентский кретинизм

Сочетая легальную и нелегальную работу, Бебель предостерегал от скатывания к парламентаризму и тем более к *«парламентскому кретинизму»*. В письме Юлиусу Моттелеру (организатору “красной почты” – подпольного распространения газеты) от 21 декабря 1884 г. Бебель пишет: *«Вся эта парламентская игра мне потихоньку становится противна, и если я думаю о том, сколько энергии, времени и денег тратится впустую и что в итоге получается положительного, то потом часто задаюсь вопросом: а стоит ли ещё участвовать?»*.

В июле 1885 г., в разгар внутренних разногласий в партии, в письме к Либкнехту, стремившемуся свести эти разногласия к минимуму, Бебель писал, что считает *«величайшей ошибкой, с точки зрения интересов партии, то, что конфликт, существующий внутри партии, постоянно скрывается и выдаётся за нечто несуществующее. Даже конфликт может способствовать достижению гармонии в партии, но вместо этого он нарушает её единство и силу»*.

Бебель упрекает оппортунистических вождей в том, что они упускают из виду классовые интересы, в то время как мандат в рейхстаге удовлетворяет их тщеславие и честолюбие; *«к тому же большинство из них уже не учатся, а если и учатся, то идут весьма сомнительными путями, отдалились от практической жизни и не знают, как она выглядит изнутри; наконец, антисоциалистический закон отдаляет их от масс и выводит из-под их контроля»*. В другом письме к Либкнехту от 25 мая 1885 г. Бебель предупреждает: *«[Если] мы придём к разрыву, то я обязательно встану на сторону цюрихцев, и Энгельс тоже»*.

В марте 1885 г. Бебель писал Моттелеру: *«Иногда вся эта парламентская болтовня отталкивает меня. После почти каждого выступления я испытываю какое-то угрызение совести, потому что вынужден повторять себе, что там, на ложах, из которых судят о всём мире и которые многими почитаемы, не решается судьба истории»*, – а затем заверял организатора красной почты: *«Ваша работа эффективнее и нужнее»*.

Январь 2023 г.

1 - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 81.

2 - Там же. Т. 16. С. 11.

3 - Там же. Т. 21. С. 469.

4 - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 48.

5 - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 325.

6 - Там же. С. 299.

7 - Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”. Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 89.

8 - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 350.

9 - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 5. С. 11.